

Говард Филлипс Лавкрафт

Полярная звезда

(Polaris)

В северное окно моей комнаты бьет жуткий свет Полярной звезды. Длинными, адскими часами темноты сияет она. И осеннюю порой, когда проклят жалобно воющий ветер с севера, и краснолистые деревья болот, шепчутся краткими утренними часами под рогатой изнуренной луной, я сидел перед оконной створкой и следил за звездами. Вниз от высотных вихрей блестела Касиопея, часы медленно тянулись, пока Большая Медведица карабкалась ввысь над пропитанными туманом болотными деревьями, что качались на ночном ветру. На заре Арктур мерцал румянцем над кладбищем на невысоком холме и Волосы Вероники загадочно светились вдали от таинственного востока, но лишь Полярная Звезда смотрела злобно вниз с того же места в черном своде, мерцая подобно ужасному, бдительному глазу безумца, который стремился передать какое-то странное послание - больше не могу вспомнить ничего, кроме того, что однажды послание было передано. Временами, когда облачно, я могу спать.

Я хорошо помню ночь великой зари, когда над болотами заиграли ошеломляющие отблески демонического света. Затем небо заволокли облака - тогда я уснул. И под рогатой изнуренной луной возник город, что я видел впервые. Недвижный и сонный раскинулся он на странном плато, в ложбине между странными пиками. Из мертвенно-бледного мрамора были его стены, его башни, его колонны, купола и тротуары. На мраморных улицах стояли мраморные колонны, на вершинах которых были высечены величественные люди. Воздух был горяч и неподвижен. И над головой, в десяти градусах от зенита, сияла та следящая Полярная Звезда. Тянулось время, я пристально рассматривал город, а день не наступал. Когда же красный Альдебаран, мерцающий низко в небе, но никогда не заходящий, прополз четверть пути вдоль горизонта, я увидел свет и движение в домах и на улицах. Странно облаченные фигуры, однако одновременно величественные и знакомые, прогуливались по улицам; под рогатой изнуренной луной люди мудро рассуждали на языке, который я понимал, хотя он не походил ни на один из языков, что я знал. И когда красный Альдебаран прополз более половины пути вдоль горизонта, вновь настала тьма и тишина.

Когда я проснулся, я уже не был тем, кем был прежде. В моей памяти выгравировалось видение города, и в моей душе возникло новое смутное воспоминание, чья природа была неопределенной. Впоследствии, после облачной ночи, когда я не мог спать, я часто видел город, временами в жарких желтых лучах солнца, что не заходило, низко описывая круги над горизонтом. И в ясные ночи Полярная Звезда сияла злобно, как никогда ранее.

Постепенно я пришел в себя от изумления, и я стал интересоваться тем, где же мог находиться я в том городе на странном плато между странными пиками. Сперва удивленный тем, что мог видеть жизнь города, как всевидящий присутствующий нематериально, я теперь желал определить свое местоположение, и сообщить о нем своему разуму, затерянному где-то среди бородатых людей, что беседовали на людных площадях. И я сказал себе - "Это не сон, ведь если бы это был сон, то я мог бы ощутить большую реальность той, другой жизни в домах из камня и кирпича к югу от зловещего болота и кладбища на низком всхолмье, где Полярная Звезда смотрит в мое северное окно каждую ночь".

И как-то ночью, когда я слушал спор на большой площади с множеством статуй, я почувствовал перемену - и осознал, что я, наконец, обрел тело. Теперь я не был чужаком на улицах Олатое, что лежал на плато Саркиа, между пиком Нортон и Каdifонек. Мой друг Алос произносил речь и его слова доставляли моей душе превеликое наслаждение, ведь это была речь честного человека и патриота. Той ночью пришло известие с обрыва Даикос о наступлении Инутоса, приземистого, желтого, inferнального чудовища, что пять лет назад появился откуда-то с запада, чтобы опустошить рубежи нашего королевства, и осадить многие наши города. И если он захватит укрепления у подножья гор, дорога на плато окажется открыта, если только каждый горожанин не станет сражаться с силой десяти человек. И не только оттого, что приземистые создания были умелы в искусстве войны, но и потому что не знали они пут чести, что сдерживали высоких, зеленоглазых людей Ломара от безжалостных завоеваний.

Алос, мой друг, командовал силами плоскогорья, и он был последней надеждой моей страны. От этого он говорил об опасности, от которой уже не спрятаться и увещевал людей Олатое, храбрейших из Ломарианцев, придерживаться традиций предков, которых вынудили двинуться на юг от Зобны, пока они не достигли великой ледяной пустыни (равно как наши потомки будут вынуждены однажды покинуть земли Ломара) доблестно и решительно сметая волосатых, длинноруких, каннибалов Нофкех, что встали на их пути. Мне Алос отказал в воинской доле, потому как я был слаб телом и подвержен обморокам, в минуты опасностей и лишений. Однако, несмотря на длинные часы, что я уделял каждый день изучению Пнакотических манускриптов и преданий Зобнарианских отцов, мои глаза были самыми острыми в городе; так что мой друг, не желая обрекать меня на бездействие, наградил меня обязанностью, правда, обязанностью почти бесполезной. Он послал меня в наблюдательную башню Тапнен, чтобы я там служил глазами армии. И если Инутос попытается взять цитадель в узком проходе за пиком Нортон и застанет врасплох гарнизон, я дам сигнал огнем, который привлечет внимание гарнизона и спасет город от нависшей катастрофы.

Я поднялся на башню в одиночестве, ведь каждый мужчина, крепкого сложения был нужен внизу, в ущельях. Я любил свой родной край Ломар и мраморный город Олатое, что лежит между пиками Нортон и Каdifонек, и мои намерения были тверды - хотя мой мозг был потрясен возбуждением и усталостью - ведь я не спал уже много дней.

Но я стоял в самой верхней келье башни, наблюдал за рогатой, изнуренной луной,

красной и зловещей, трепетавшей в испарениях, что нависали над далекой долиной Баноф. И сквозь отверстие в крыше блестела бледная Полярная Звезда, трепетавшая как живая, и смотревшая зло, подобно демону или соблазнителю. Метот, ее дух нашептывал злые советы, успокаивая меня, чтобы вероломно усыпить проклятыми рифмованными обещаниями, что он повторял вновь и вновь:

Я находился на башне один, без помощника, ибо каждый боеспособный мужчина был на счету там, внизу, где стояли насмерть храбрейшие сыны Ломара. Мозг мой, в течение нескольких суток не знавший ни сна, ни отдыха, был перевозбужден от волнения и страшной усталости, но я решил исполнить свой долг до конца во что бы то ни стало, ибо страстно любил свою родную землю, что именовалась Ломаром, и в особенности мраморный город Олатоэ, раскинувшийся между вершинами Нотон и Каdifонек.

Оказавшись в самой верхней комнате башни, я увидел тонкий бледный серп луны, зловеще подрагивавший в серой дымке, которая заволокла далекую долину Баноф. А сквозь отверстие в потолке поблескивала Полярная звезда – она то игриво подмигивала, то пристально глядела на меня, и это был взгляд недруга и искусителя. Я подозреваю, что именно она сослужила мне дурную службу, навеяв предательский сон вкрадчивым нашептыванием дьявольского десятистишья, которое раз за разом повторялось в моем мозгу:

*Спи наблюдатель, пока звезда
шесть и двадцать тысяч раз
не взойдет - тогда вернусь
к месту, где теперь горю.
Иной звездный век
Развернет ось небес -
благословляющих, утешающих звезд.
Тогда завершится мой путь
И прошлому уже не уснуть*

Тщетно я боролся с дремотой, стараясь связать эти странные слова с некоторыми познаниями о звездах, что я получил из Пнакотических манускриптов. Но моя голова, отяжелевшая и кружащаяся, упала на грудь, и когда в следующий раз я посмотрел вверх это происходило уже во сне, во сне, где сквозь окно, над ужасными и качающимися деревьями болот Полярная Звезда насмеялась надо мной. И я все еще сплю.

К моему стыду и отчаянию я иногда вскрикивал испуганно, умоляя создания снов разбудить меня, когда Инутос начнет пробираться по ущелью за пиком Нортон, чтобы попытаться захватить цитадель врасплох; но эти создания были демоны, и от того лишь смеялись надо мной и говорили мне, что я не сплю. И тут же насмеяясь надо мной, говорили, что пока я спал, под нами уже мог бесшумно прокрасться приземистый желтый враг, и я потерпел неудачу в моей службе и предал мраморный город Олато, и не оправдал доверие Алоса, моего друга и командира. А тем временем призраки моих снов, продолжали надсмехаться надо мной. Они говорили, что нет земли Ломар, кроме как в моем ночном воображении; что в этом

мире, где Полярная Звезда светит высоко, и красный Альдебаран ползет низко вдоль горизонта, здесь не было ничего кроме льда и снега тысячи и тысячи лет, и никогда не было людей кроме приземистых, желтых созданий, болезненных от холода, которых зовут "Эскимосы".

И я бился в муках вины, неистово желая спасти город от опасности, которая возрастала с каждым мигом, и тщетно стремился стряхнуть с себя этот противоестественный сон о домах из камня и кирпича к югу от зловещего болота и кладбища на низком холме, Полярной Звезде, злой и чудовищной, зло смотрящей вниз с черного свода, ужасно подмигивая подобно бдительному глазу безумца которое стремилось передать какое-то странное послание; больше не помню ничего, за исключением того, что однажды послание было передано.

*Перевод Thrury
1998 г од*